

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1968-1975
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1968

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Far East of Russia as a Region of Transit Migration on the Eve of the First World War

Alexey V. Antoshin ^{a,*}

^a Ural Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the role of the Far East as a region of transit migration in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. The author focuses on the period on the eve of the First World War, associated with the implementation of government resettlement policy in the framework of the agrarian reform of P.A. Stolypin. The source base for this study was the documents stored in the fund “Head of the Settlement of Settlers in the Khabarovsk District” of the State Archive of the Khabarovsk Territory (Khabarovsk, Russian Federation). In addition, materials from regional periodicals were used – the newspapers Priamurskiye Vedomosti (Khabarovsk), Priamurye (Khabarovsk), Priamurskaya Zhizn (Khabarovsk), and Dalniy Vostok (Vladivostok). The methodological basis of the study was the theoretical developments of national and foreign migration scientists. Using these conceptual approaches, the author shows a close connection between the failures of the government's resettlement policy and the development of the phenomenon of emigration from the Russian Empire. It is proved that the survival rate of new settlers remained an extremely acute problem in the Russian Far East at the beginning of the 20th century. At the same time, historical sources show that the reasons for this situation were not only the psychological unpreparedness of some of the settlers to settle in a certain place, but also the desire of some of them to use government loans for resettlement for selfish purposes. The documents involved allow substantiating the thesis that the expert community of the region associated with the structures of the administration of the Amur Governor-General realized that there were objective problems that prevented the successful consolidation of settlers in the region. These problems were associated with the underdevelopment of the socio-cultural infrastructure, unfavorable climatic conditions, and competition for the migrant peasants from agricultural producers from Manchuria. All these factors led to the fact that part of the settlers began to consider the Far East only as a transit region and moved on, emigrating to the USA, Australia and other countries.

Keywords: Far East, Stolypin agrarian reform, resettlement policy, survival rate of new settlers, problems of adaptation, transit migration, labor immigration to the USA, labor immigration to Australia, Hawaiian Islands.

1. Введение

Проблема транзитной миграции является чрезвычайно актуальной. В условиях роста миграционных обменов в современном мире эксперты обращают все большее внимание на то, что отдельные страны начинают выступать, скорее, не принимающими обществами, а пространствами, через которые проходят большие потоки мигрантов, направляющихся в другие государства. Так, важным евразийским центром транзитной миграции стала в начале XXI в. Российская Федерация, которая оказалась весьма привлекательной территорией для многих выходцев из Азии и Африки, стремившихся переселиться в страны Европейского Союза. Однако жесткий контроль на границе между РФ и ЕС привел к тому, что часть этих транзитных мигрантов надолго осталась на территории России, не планируя интегрироваться в наше общество. Данная ситуация ставит вопрос о выработке правовых механизмов,

* Corresponding author

E-mail addresses: alex_antoshin@mail.ru (A.V. Antoshin)

которые будут способствовать решению данной проблемы. Одновременно это делает актуальным обращение к историческому опыту, анализ того, как возникали подобные регионы транзитной миграции в прошлом и какие инструменты решения проблемы предлагали экспертные сообщества.

Одним из важнейших регионов, привлекавших мощные миграционные потоки в Российской империи, являлся Дальний Восток. Необходимость заселения и хозяйственного освоения территории, которая лишь недавно была присоединена к империи, вынуждала власти привлекать туда рабочую силу. Было очевидно, что в условиях крайнего дефицита людских ресурсов необходимо было задействовать широкий арсенал средств, чтобы более эффективно использовать ресурсный потенциал региона. Постепенно власти пришли к сочетанию факторов внешней и внутренней миграции, чтобы удовлетворить потребности региона в рабочей силе. Вместе с тем к началу Первой мировой войны региональному экспертному сообществу стало очевидно, что данная политика имеет лишь ограниченные результаты: значительная часть переселенцев не интегрировалась в экономические структуры региона и Дальний Восток во многом становился транзитной территорией. Анализ причин этой ситуации и тех механизмов, которые предлагались для решения проблем, является целью данной статьи.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена различными группами исторических материалов. Прежде всего следует выделить документы фонда И-6 Государственного архива Хабаровского края (Хабаровск, Российская Федерация) «Заведующий водворением переселенцев Хабаровского уезда». Они представлены журналами Приморского областного по крестьянским делам присутствия, перепиской отдельных землеустроительных комиссий, документами землемера Приморского района, заведующего водворением переселенцев в Хабаровском подрайоне Приморской области, справками и подписками отдельных крестьян, переселявшихся на Дальний Восток из центральных районов Российской империи. Все эти материалы в совокупности формируют картину крайне противоречивой ситуации, которая складывалась в Приамурье в условиях переселенческой политики П.А. Столыпина.

К числу наиболее влиятельных представителей региональной общественности, выступавших в качестве экспертного сообщества, в том числе по проблематике, связанной с миграционными процессами, относились издатели и руководители редакций местных газет и журналов. Во Владивостоке среди них выделялся основатель старейшего печатного издания – газеты «Дальний Восток» – В.А. Панов. Его личный фонд 24 находится на хранении в Архиве Общества изучения Амурского края (Архив ОИАК, г. Владивосток). Материалы данного фонда позволяют охарактеризовать специфику формирования идейно-политических и ценностных установок В.А. Панова, что оказывало влияние на освещение на страницах газеты «Дальний Восток» миграционных процессов в регионе.

Именно материалы региональной периодической печати также являются важной группой исторических источников, использованных в данной статье. Ключевое место среди них принадлежит газете «Приамурские ведомости», которая печаталась в Хабаровске в типографии генерал-губернатора. Учитывая специфику Дальнего Востока (крайний дефицит в регионе квалифицированных специалистов, что вынуждало власти максимально использовать потенциал тех немногих представителей интеллигенции, которые здесь жили), вполне закономерно, что именно это издание отличалось наиболее квалифицированным анализом миграционных процессов, происходивших в Приамурье и Приморье.

Менее обстоятельно эти вопросы анализировались на страницах оппозиционной прессы – газет «Приамурье» и «Приамурская жизнь», также издававшихся в Хабаровске. Эти печатные органы, скорее, использовали просчеты миграционной политики властей как еще один повод для критики существовавшей социально-политической системы.

Старейшим владивостокским периодическим изданием являлась уже упоминавшаяся газета «Дальний Восток». Ее специфика состояла в том, что она была весьма близка местной организации Всероссийского национального союза (русских националистов) – консервативной политической партии, которая являлась главной опорой правительства П.А. Столыпина.

В работе использованы методологические подходы, характерные для миграциологии. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что уже в советское время в работах исследователей из Сибирского отделения АН СССР большое внимание уделялось анализу социально-экономических факторов, способствующих интеграции внутренних мигрантов в регионах-реципиентах. Проблема приживаемости новоселов являлась чрезвычайно важной, поскольку именно на это была ориентирована миграционная политика страны (Хорев, Чапек, 1978; Рыбаковский, 1987 и др.).

В современной миграциологии весьма популярны те концептуальные подходы, которые также нацелены на осмысление факторов, облегчающих или осложняющих интеграцию переселенцев. Как отмечают современные исследователи, нередко формирование транзитных мигрантов становится вынужденным явлением, связанным, например, с различными ожиданиями разных членов семьи от миграции. Именно на это нацелена теория экономики семейной миграции. Важную роль играет фактор наличия в регионе-реципиенте так называемого общественного капитала, социальных сетей,

созданных предшествующими волнами мигрантов и облегчающих для вновь прибывших интеграцию в принимающее общество (Massey et al., 1993). Именно основные методы, характерные для современной миграциологии, и выступают теоретической основой данного исследования.

3. Обсуждение

Отдельные аспекты проблемы превращения Дальнего Востока России в регион транзитной миграции в начале XX в. уже освещались в исследовательской литературе. Так, в дореволюционной историографии акцентировалось внимание на малоземелье крестьян Центральной России как главной причине их переселения в восточные районы страны (Кауфман, 1906; Веселовская, 1909 и др.). Вместе с тем уже в этот период отмечалось, что многие переселенцы не интегрировались в экономические структуры региона, возвращались домой или уезжали в другие страны.

В советской историографии данная проблема рассматривалась, прежде всего, в контексте анализа столыпинской аграрной реформы. Историки доказывали, что колонизация региона происходила очень медленно, что было связано с противоречивым характером экономической политики правительства и влиянием на нее помещиков (Георгиевский, 1926; Рябов, Штейн, 1958 и др.). Уже в советской историографии отмечалось, что для части крестьян-переселенцев Дальний Восток фактически стал транзитным регионом. Вместе с тем советские исследователи признавали тот факт, что переселенческая политика способствовала развитию капиталистических отношений в дальневосточной деревне, сыграла значительную роль в социально-экономическом развитии региона в целом.

Наконец, в постсоветский период новая методологическая ситуация позволила существенно расширить исследовательскую проблематику. Активно осваивается идейное наследие дореволюционных исследователей темы (Заколотная, 2013). При этом ряд современных историков обращает внимание на роль Дальнего Востока именно как транзитного региона для части переселенцев, показывая, что именно эти люди во многом формировали миграционный поток из России в США, Австралию и другие страны мира (Каневская, 2010: 14-27; Хисамутдинов, 2013: 66-75 и др.).

Значение миграционного потока с Дальнего Востока России в формировании русской диаспоры в США отмечается и в зарубежной историографии. В этом контексте нельзя не отметить труд американских исследователей Н. Богдан и Л. Заверюхи, посвященный становлению сообщества русских эмигрантов в Калифорнии (Bogdan, Zaverukha, 2009).

В постсоветский период стало возможным осуществление крупных международных исследовательских проектов, являвшихся результатом взаимодействия ученых из России и других государств. Среди них следует выделить коллективную монографию, выпущенную в Новосибирске под редакцией С.С. Пайчадзе И.А. Вальдмана. В ней представлены различные сюжеты, формирующие представление об Азиатско-Тихоокеанском регионе как крупном центре трансграничной миграции (Россия и страны АТР, 2019).

4. Результаты

Как имперское правительство в Петербурге, так и местные власти Дальнего Востока России (прежде всего, администрация Приамурского генерал-губернатора) возлагали большие надежды на активно осуществлявшуюся в рамках столыпинской аграрной реформы переселенческую политику, которая должна была не только создать прочный фундамент для осуществления экономической и политической модернизации России, но и решить проблему дефицита трудовых ресурсов на Дальнем Востоке, без чего было невозможно максимальное использование потенциала региона.

Однако, как доказывают исторические источники (в том числе документы, хранящиеся в Государственном архиве Хабаровского края), достичь тех результатов, на которые рассчитывали инициаторы переселенческой политики, не удалось. Характерно, что в фонде «Заведующий водворением переселенцев Хабаровского уезда» ГАХК хранится большое количество подписок крестьян, которые первоначально согласились на переселение на Дальний Восток, однако в итоге отказались от этого намерения (ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 53, 56, 124-125, 134 и др.). Особенно впечатляющей является статистика, которую приводила Ямпольская уездная землеустроительная комиссия в письме заведующему водворением переселенцев в Хабаровском подрайоне Приморской области в декабре 1909 г. По данным этого документа, из 99 человек, которые планировали переселиться из данного уезда во вновь созданное в Киинской волости Хабаровского уезда селение Каменец-Подольское, 78 человек «совсем отказались от переселения», и только 19 человек твердо были намерены отправиться на Дальний Восток (ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 30).

Очевидно, отрицательное решение по вопросу о переезде крестьяне часто принимали под влиянием информации, полученной от тех односельчан и друзей, которые уже рискнули отправиться в дальние края, но не нашли там счастья. В Приамурье чрезвычайно остро стоял вопрос приживаемости новоселов, закрепления переселенцев на новом месте. Нередкими были случаи, когда крестьяне, получив помощь от правительства на осуществление переселения, недолго жили на новом месте и возвращались обратно. Так, например, землемер Приморского района Г. Смирнов сообщал осенью 1909 г., что крестьянин Илья Мундрьк переселился в указанное выше село Каменец-Подольское, прожил там «с весны до осени», а затем вернулся на родину (ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 22). Такие случаи были отнюдь не единичными.

Весьма характерна переселенческая статистика за 1911 г. по Амурской области. Как сообщалось в региональной прессе, из 3 887 переселенцев, прибывших в область за тот год, 2 191 человек вернулись обратно ([Приамурские ведомости. 1912. 22 марта. № 1832](#)).

Как показывают архивные документы, переселившиеся крестьяне не становились стабильным населением вновь созданных сел и деревень, а продолжали перемещаться по территории края в поисках лучшей доли. Переселенцы постоянно меняли места жительства, вместо старых свидетельств о водворении им приходилось выдавать новые ([ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 100б.](#)). Часть вновь прибывших не сразу поселялась на выделенных участках, а сначала уходила на заработки ([Приамурские ведомости. 1912. 12 апреля. № 1839](#)). Властям приходилось искать приехавших в регион крестьян, однако это часто оказывалось непростой задачей. Так, крестьянин Подольской губернии А. Мирослин по документам должен был находиться все в том же Каменец-Подольском, однако его там не оказалось ([ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 51](#)). Непросто оказалось найти и другого переселенца – Феодосия Стельмаха, чтобы вручить ему повестку о необходимости отбытия им воинской повинности ([ГАХК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 2. Л. 20](#)).

В результате на Дальнем Востоке оказывалось немало переселенцев, статус которых был вообще не вполне понятен. Как свидетельствуют документы, этим людям как-то удалось получить проходные переселенческие свидетельства, но прав на поселение на новые участки они не имели. Вместо стабильного населения вновь освоенных сел и деревень новоселами, которые должны были развивать сельское хозяйство края, решать проблему его продовольственной безопасности, власти получали массу чрезвычайно мобильных людей, перемещавшихся с места на место.

Безусловно, здесь играли роль и психологические факторы. Те, кто решался на переселение из Украины на Дальний Восток, зачастую изначально обладали авантюрным складом характера, готовностью радикально менять свою жизнь. Расставшись со всем своим старым и начав движение в дальние края, они не могли остановиться и вовлекались в новые миграционные потоки. Как известно, у некоторых переселенцев присутствовало и желание просто воспользоваться правительственной политикой, субсидиями, которые выделяли власти на переезд. Такие люди заранее не планировали осесть на новом месте: потратив выданные на переселение средства, они ехали домой, пытаясь получить новый кредит.

Однако у всей этой ситуации были и другие причины. Как дореволюционные, так и современные исследователи нередко апеллируют к высказываниям самих крестьян, которые приводились в различных анкетах. Там встречались самые различные варианты: «не понравился край», «недостаточность средств», «малосильность семьи» и т.д. ([Приамурские ведомости. 1912. 19 апреля. № 1842](#)).

Однако встает вопрос об объективности этих оценок, необходимости их подтверждения в других исторических источниках. В исследованиях уже отмечался тот факт, что многие проблемы переселенцев были связаны с недостаточным знанием ими местных условий землепользования, что вело к невысокому уровню агрокультуры их хозяйства. Как отмечал один из чиновников Переселенческого управления, «китайцы и корейцы, живущие даже на нашей земле, где-нибудь в глухой тайге, и там обрабатывают тщательнее землю и получают с нее урожай вдвое и втрое больше, чем при русском способе обработки». Характеризуя состояние переселенческого хозяйства, он подчеркивал: «Везде замечается отсутствие самых необходимых и самых элементарных научных знаний» ([Рыжова, 2015: 18](#)).

Впрочем, были и объективные трудности, которые препятствовали закреплению переселенцев на Дальнем Востоке. Переселенческие хозяйства были маломощными, в результате увеличение площадей обрабатываемых земель шло крайне медленно. Чиновники Приморского переселенческого района, например, указывали на «непосильность производства значительных расчисток для экономически слабых переселенцев» ([Приамурские ведомости. 1914. № 2089. 21 января](#)). Мешала развитию хозяйства переселенцев и конкуренция со стороны производителей зерна из Маньчжурии, которые зачастую вытесняли с рынка крестьянские хозяйства Приамурья и Приморья.

Кроме того, как показывают документы, условия для ведения сельского хозяйства во многих районах Приамурья и Приморья действительно были не самые простые. Сезонные колебания климата, стихийные бедствия и т.д. были нередки в этих местах. Так, например, в 1911 г. переселенцы, оказавшиеся в Черняевозейском, Кухтеринском и Селенджинском подрайонах, сильно пострадали от недорода и наводнений, в результате властям пришлось им оказывать материальную помощь ([Приамурские ведомости. 1912. 3 января. № 1799](#)). В целом следует обратить внимание на важное обстоятельство: связанное с приамурским генерал-губернатором экспертное сообщество не замалчивало реальных проблем региона, открыто признавая тот факт, что условия для ведения сельского хозяйства здесь были далеко не идеальными. На самом излете предвоенной эпохи, буквально за месяц до начала Первой мировой войны, местные общественные деятели указывали: «Край наш для зерновых хлебов неудобен, лето действительно слишком жарко и влажно, зима действительно сурова и бесснежна» ([Приамурские ведомости. 1914. 3 июля. № 2152](#)).

Высказавший эти мысли Д.И. Ревякин одновременно обращал внимание и на неразвитость транспортной инфраструктуры в регионе, что препятствовало освоению Дальнего Востока.

«Переселение, расселение и колонизация только и возможны при наличии железной дороги», – подчеркивал он (Там же). Поэтому Д.И. Ревякин, как и многие другие представители дальневосточной общественности, отстаивал важность постройки Амурской железной дороги.

В целом вопрос о развитии инфраструктуры в регионе являлся чрезвычайно острым. На страницах оппозиционной прессы Дальнего Востока указывалось на необходимость развития социально-культурной среды, строительства новых учреждений культуры, которые могли бы сделать досуг переселенцев более разнообразным. Ведь среди тех, кто переезжал из центральных районов на Дальний Восток, были и люди с разнообразными культурными потребностями. Закрепление таких людей на новом месте требовало осуществления властями соответствующих мероприятий, что происходило далеко не всегда ([Приамурье. 1912. 27 января. № 1586](#); [Приамурская жизнь. 1912. 17 ноября. № 1054](#)).

В результате всего этого часть переселенцев решала попытать счастья еще раз и отправлялась зарабатывать деньги за пределы Российской империи. Особенно важно отметить, что окружение приамурского генерал-губернатора осознавало тесную связь между неудачами переселенческой политики и ростом числа эмигрантов. Незадолго до начала Первой мировой войны, в апреле 1914 г., на страницах местного официоза отмечалось: «Неблагоприятные экономические условия, сложившиеся в Восточной Сибири, трудность иметь постоянный заработок, невозможность конкуренции с дешевым желтым трудом служат причинами, создающими и поддерживающими движение переселенцев из Сибири в Америку и Австралию» ([Приамурские ведомости. 1914. № 2125. 19 апреля](#)).

Действительно, для некоторых переселенцев Дальний Восток оказывался лишь регионом транзитной миграции, временной остановкой на пути в Новый Свет. Этому способствовала деятельность в регионе эмиграционных агентств, которые вербовали переселенцев для работы за рубежом. Наиболее скандальную известность приобрела деятельность Эмиграционного бюро А.В. Перелестроуса и Компании, базировавшегося в Харбине. Именно оно, начиная с 1909 г., активно вербовало россиян для работы на плантациях сахарного тростника на Гавайских островах. Многие из тех, кто поверил вербовщикам, в итоге почувствовали себя обманутыми, начали писать открытые письма в адрес консульства Российской империи в Йокогаме с просьбой помочь им вернуться на родину. Часть трудовых эмигрантов так и не смогла возвратиться домой и осталась лежать в земле Гавайев ([Хисамутдинов, 2013: 66-75](#)). Впрочем, дальневосточная общественность весьма скептически оценивала попытки русской дипломатии вести контрпропаганду идеи переселения на Гавайи: по словам публицистов газеты «Дальний Восток», соответствующие прокламации консульства Российской империи в Йокогаме были составлены «в обычном сухом, официальном тоне», благодаря чему «результат получился совершенно обратный»: поток российских трудовых эмигрантов на Гавайи не прекратился ([Дальний Восток. 1910. № 40. 19 февраля](#)).

Однако, безусловно, Гавайские острова не являлись единственным потенциальным маршрутом движения тех переселенцев, для которых Дальний Восток России оказался лишь транзитным регионом. Пожалуй, наиболее крупный эмиграционный поток направлялся в начале XX в. из Российской империи в США. обстоятельный анализ этой проблемы был представлен уже в труде советского историка Н.Л. Тудоряну ([Тудоряну, 1986](#)). Переселенцы с Дальнего Востока России преимущественно выбирали тихоокеанское побережье США, прежде всего район Сан-Франциско. Неслучайно там возникло такое явление, как Русская горка, чья история нашла отражение и в американской историографии ([Bogdan, Zaverukha, 2009](#)).

Исследователи уже обращались и к анализу эмиграционного потока с российского Дальнего Востока в Австралию. Безусловно, он существенно уступал американскому, тем не менее его также не стоит игнорировать. Именно благодаря этому явлению были заложены основы русского присутствия на Пятом континенте, что стало возможным во многом благодаря трансформации в данный период иммиграционного законодательства Австралии. Как отмечает известный специалист по истории австралийской иммиграции, профессор Университета в Аделаиде Э. Ричардс, долгое время Австралия занимала весьма скромное место как направление переселения европейцев в Новый Свет. Во многом это было связано со спецификой настроений, доминировавших в австралийском обществе, негативным отношением местных жителей к потоку иммигрантов как конкурентов в борьбе за рабочие места. Этому способствовала и позиция австралийских профсоюзов, традиционно весьма сильных. И лишь в первое десятилетие XX в. ситуация начала меняться, чему содействовали и исследования структур только что возникшего Австралийского Союза, доказавших, что рост населения новой федерации не соответствовал потребностям освоения огромной территории ([Richards, 2008: 28-30](#)). Среди тех новых иммигрантов, кто прибыл в Австралию в эти годы, были и россияне – переселенцы с Дальнего Востока. Часть из них успешно интегрировалась в экономические структуры Австралии. Этих людей привлекал демократизм австралийского общества, отсутствие жесткой социальной стратификации, достаточно высокий уровень заработной платы. Некоторые из них смогли найти в Новом Свете то, чего им не довелось обнаружить на российском Дальнем Востоке.

Можно ли было противостоять превращению Дальнего Востока в транзитный регион для части переселенцев из центральной России? Как показывают исторические источники, общественность российского Дальнего Востока, осознавая тесную связь между неудачами переселенческой политики

и ростом эмиграции, тем не менее полагала, что необходимо использование финансовых механизмов регулирования данной проблемы. Особенно активно об этом говорилось на страницах владивостокской газеты «Дальний Восток», которую редактировал отставной морской офицер, капитан корпуса флотских штурманов В.А. Панов ([Архив ОИАК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 26. Л. 1](#)). Публицисты данной газеты полагали, что те россияне, которые переселились в рамках столыпинской политики, но предпочли зарабатывать деньги за океаном, должны возвращать Российскому государству средства, полученные ими на переезд из центральных районов империи на Дальний Восток. По мнению авторов «Дальнего Востока», введение такой практики было совершенно обоснованным, поскольку подобные люди пользовались правительственными льготами, однако в итоге уезжали за рубеж, а не развивали российские окраины ([Дальний Восток. 1910. № 40. 19 февраля](#)). Вместе с тем значительной части дальневосточной общественности было очевидно и то, что подобные меры недостаточны: необходимы серьезные инфраструктурные реформы, которые способствовали бы повышению привлекательности Приамурья и Приморья для переселенцев.

5. Заключение

Как показывает проведенный анализ исторических источников, в начале XX в. Дальний Восток России во многом стал регионом транзитной миграции. Этому способствовало как географическое положение данного региона, так и противоречивые результаты правительственной политики по его колонизации и хозяйственному освоению. Инициаторам переселенческой политики, важнейший этап которой связан с деятельностью П.А. Столыпина и его соратников, не удалось добиться того, чтобы подавляющее большинство тех, кто перебрался на восточную окраину империи с Украины и других районов страны, успешно интегрировалось в экономические структуры принимающего региона. Проблема приживаемости новоселов оказалась для российского Дальнего Востока начала XX в. исключительно острой. Результатом этой ситуации стало то обстоятельство, что значительная часть переселенцев либо возвращалась обратно, либо принимала решение искать счастье за рубежами империи.

Именно те, для кого Дальний Восток оказывался лишь транзитным регионом на пути в эмиграцию, и формировали потоки российских переселенцев в США, Австралию и другие страны. Как показывают исторические источники, чаще всего переселения такого рода носили не индивидуальный, а групповой характер: трудовые эмигранты надеялись на помощь со стороны товарищей, родственников, односельчан. В отличие от переселения из центральных районов Российской империи на Дальний Восток, они осуществляли такие акции на свой страх и риск, чаще всего не владея никакими иностранными языками, не имея представления о той стране, куда они уезжали. Многие из них поверили обещаниям вербовщиков, работавших на разнообразные эмиграционные агентства, и в итоге потеряли не только свои небольшие сбережения, но и здоровье, а то и жизни. Тем не менее часть переселенцев успешно интегрировалась в принимающие общества, внесла значительный вклад в социально-экономическую модернизацию США и Австралии предвоенного времени.

6. Благодарности

The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства "Приоритет-2030".

Литература

- [Архив ОИАК](#) – Архив Общества изучения Амурского края.
[Веселовская, 1909](#) – *Веселовская Е.Д.* Амурский край и наши переселенцы. М., 1909. 45 с.
[Георгиевский, 1926](#) – *Георгиевский А.П.* Русские на Дальнем Востоке. Владивосток: Типография Государственного дальневосточного университета, 1926. 70 с.
[ГАХК](#) – Государственный архив Хабаровского края.
[Дальний Восток](#) – *Дальний Восток*. 1910. 19 февраля. № 40.
[Заколотная, 2013](#) – *Заколотная А.С.* Дореволюционные авторы о причинах переселения крестьян на Дальний Восток России / *Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве. Прошлое, настоящее, будущее*. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 74-79.
[Каневская, 2010](#) – *Каневская Г.И.* «Мы еще мечтаем о России...». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX – вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневост.ун-та, 2010. 372 с.
[Кауфман, 1906](#) – *Кауфман А.А.* Переселение. Мечты и действительность. М., 1906. 37 с.
[Приамурская жизнь](#) – *Приамурская жизнь*. 1912. 17 ноября. № 1054.

Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1912. 3 января. № 1799.
 Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1912. 22 марта. № 1832.
 Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1912. 12 апреля. № 1839.
 Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1912. 19 апреля. № 1842.
 Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1914. 21 января. № 2089.
 Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1914. 19 апреля. № 2125.
 Приамурские ведомости – Приамурские ведомости. 1914. 3 июля. № 2152.

Приамурье – Приамурье. 1912. 27 января. № 1586.

Россия и страны АТР, 2019 – Россия и страны АТР: миграционные процессы и проблемы межкультурной коммуникации. Азия в России / Под ред. С.С. Пайчадзе и И.А. Вальдмана. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2019. 518 с.

Рыбаковский, 1987 – Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987. 199 с.

Рыжова, 2015 – Рыжова Л.В. Обзор архивных материалов по переселению крестьян морским путем из Европейской России в Приморскую область / Дорогами переселенцев: заселение и освоение территории Южно-Уссурийского края. Фокино, 2015. С. 13-22.

Рябов, Штейн, 1958 – Рябов Н.И., Штейн М.Г. Очерки истории русского Дальнего Востока XVII – начала XX вв. Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1958. 170 с.

Тудоряну, 1986 – Тудоряну Н.Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма (в Германию, Скандинавские страны и США). Кишинев: Штиинца, 1986. 312 с.

Хисамутдинов, 2013 – Хисамутдинов А.А. Русские волны на Пасифике: Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин-Владивосток: Изд-во «Рубеж», 2013. 640 с.

Хорев, Чапек, 1978 – Хорев Б.С., Чапек В.Н. Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978. 254 с.

Bogdan, Zaverukha, 2009 – Bogdan N., Zaverukha L. Russian San Francisco, 2009. 128 p.

Massey et al., 1993 – Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor E. Theories of International Migration: A Review and Appraisal // Population and Development Review. 1993. 19(3): 431-466.

Richards, 2008 – Richards E. Destination Australia. Migration to Australia Since 1901. Sydney: University of New South Wales Press, 2008. 432 p.

References

Archiv OIAK – Archiv občestva izuchenija Amurskogo kraja [Archive of the Society for the Study of the Amur Territory]. [in Russian]

Bogdan, Zaverukha, 2009 – Bogdan, N., Zaverukha, L. (2009). Russian San Francisco. 128 p. [in Russian]

Dalny Vostok – Dalny Vostok. 1910. 40. [in Russian]

ГАНК – Gosudarstvennyy archiv Habarovskogo kraja [State Archive of the Khabarovsk Territory].

Georgievsky, 1926 – Georgievsky, A.P. (1926). Russkie na Dalnem Vostoke [Russians in the Far East]. Vladivostok: State Far East University. 70 p. [in Russian]

Hisamutdinov, 2013 – Hisamutdinov, A.A. (2013). Russkie volny na Pacifike: iz Rossii cherez Kotay. Koreyu i Japoniju v Novy Svet [Russian waves in the Pacific: From Russia through China, Korea and Japan to the New World]. Pekin; Vladivostok: Rubezh Publishing. 640 p. [in Russian]

Horev, Chapek, 1978 – Horev, B.S., Chapek, V.N. (1978). Problemy izuchenija migratsii naselenija [Problems of studying population migration]. Moscow: Mysl. 254 p. [in Russian]

Kanevskaya, 2010 – Kanevskaya, G.I. (2010). “My esche mechtaem o Rossii...”. Istorija russkoi diaspory v Avstralii (konets XIX – vtoraja polovina 80-h gg. XX v.) [“We still dream of Russia...”. History of the Russian Diaspora in Australia (late 19th – second half of the 80s of the 20th centuries)]. Vladivostok: Far East University. 372 p. [in Russian]

Kaufman, 1906 – Kaufman, A.A. (1906). Pereselenie. Mechty i deistvitelnost [Resettlement. Dreams and reality]. Moscow. 37 p. [in Russian]

Massey et al., 1993 – Massey, D., Arango, J., Hugo, G., Kouaouci, A., Pellegrino, A., Taylor, E. (1993). Theories of International Migration: A Review and Appraisal. Population and Development Review. 19(3): 431-466.

Priamurie – Priamurie. 1912. 1586. [in Russian]

Priamurskaya jizn – Priamurskaya jizn. 1912. 1054. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1912. 1799. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1912. 1832. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1912. 1839. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1912. 1842. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1912. 2125. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1912. 2152. [in Russian]

Priamurskie vedomosti – Priamurskie vedomosti. 1914. 2089. [in Russian]

Richards, 2008 – Richards, E. (2008). Destination Australia. Migration to Australia Since 1901. Sydney: University of New South Wales Press. 432 p.

Rossija i strany ATR, 2019 – Rossija i strany ATR: migratsionnye process i problemy mejkulturnoy communicatsii. Azija v Rossii (2019) [Russia and Asia-Pacific countries: migration processes and problems of intercultural communication. Asia in Russia]. Novosibirsk: NGTU. 518 p. [in Russian]

Ryabov, Shtein, 1958 – Ryabov, N.I., Shtein, M.G. (1958). Oчерki istorii russkogo Dalnego Vostoka XVII – nachala XX v. [Essays on the history of the Russian Far East in the 17th – early 20th centuries]. Habarovsk: Habarovsk Book Publishing. 170 p. [in Russian]

Rybakovsky, 1987 – Rybakovsky, L.L. (1987). Migratsia naselenija: prognozy, factory, politika [Population migration: forecasts, factors, policy]. Moscow: Nauka. 199 p. [in Russian]

Ryzhova, 2015 – Ryzhova, L.V. (2015). Obzor arhivnyh materialov po pereseleniju krestian morskim putem iz Evropeiskoi Rossio v Primorskuyu oblast [Review of archival materials on the resettlement of peasants by sea from European Russia to the Primorsky region]. Dorogami pereselentsev: zaselenie i osvoenie territorii Juzhno-Ussuriiskogo kraja. Fokino. Pp. 13-22. [in Russian]

Tudoryanu, 1986 – Tudoryanu, N.L. (1986). Oчерki rossiskoi trudovoi emigratsii perioda imperializma (v Germaniyu, Scandinvaskie strany i SshA) [Essays on Russian labor emigration in the period of imperialism (to Germany, the Scandinavian countries and the USA)]. Kishinev: Shtiintsa. 312 p. [in Russian]

Veselovskaya, 1909 – Veselovskaya, E.D. (1909). Amursky kray i nashi pereselentsy [Amur Territory and our settlers]. Moscow. 45 p. [in Russian]

Zakolodnaya, 2013 – Zakolodnaya, A.S. (2013). Dorevolutsionnye avtory o prichinah pereselenija krestian na Dalny Vostok Rossii [Pre-revolutionary authors about the reasons for the resettlement of peasants in the Far East of Russia]. Tohookeanskaya Rossija v mejtsivilizatsionnom i obscherossiskom prostranstve. Proshloe, nastojashee, budushee. Vladivostok: Dalnauka. Pp. 74-79. [in Russian]

Дальний Восток России как регион транзитной миграции накануне Первой мировой войны

Алексей Валерьевич Антошин^{a, *}

^aУральский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена роли Дальнего Востока как региона транзитной миграции в Российской империи начала XX в. В центре внимания автора период накануне Первой мировой войны, связанный с проведением правительственной переселенческой политики в рамках аграрной реформы П.А. Столыпина. Источниковой базой данного исследования послужили документы, хранящиеся в фонде «Заведующий водворением переселенцев в Хабаровском уезде» Государственного архива Хабаровского края (Хабаровск, Российская Федерация). Кроме того, использованы материалы региональной периодической печати – газет «Приамурские ведомости» (Хабаровск), «Приамурье» (Хабаровск), «Приамурская жизнь» (Хабаровск), «Дальний Восток» (Владивосток). Методологической основой исследования послужили теоретические наработки отечественных и зарубежных миграциологов. Используя эти концептуальные подходы, автор показывает тесную связь между неудачами переселенческой политики правительства и развитием феномена эмиграции из Российской империи. Доказано, что приживаемость новоселов оставалась чрезвычайно острой проблемой на российском Дальнем Востоке в начале XX в. При этом исторические источники показывают, что причинами данной ситуации были не только психологическая неготовность части переселенцев к тому, чтобы осесть на определенном месте, но и желание некоторых из них воспользоваться правительственными кредитами на переселение в корыстных целях. Привлеченные документы позволяют обосновать тезис о том, что связанное со структурами администрации приамурского генерал-губернатора экспертное сообщество региона осознавало, что существовали объективные проблемы, которые препятствовали успешному закреплению переселенцев в регионе. Эти проблемы были связаны с неразвитостью социально-культурной инфраструктуры, неблагоприятными климатическими условиями, конкуренцией для крестьян-переселенцев со стороны производителей сельхозпродукции из Маньчжурии. Все эти факторы вели к тому, что часть переселенцев начинала рассматривать Дальний Восток лишь как транзитный регион и двигалась дальше, эмигрируя в США, Австралию и другие страны.

Ключевые слова: Дальний Восток, столыпинская аграрная реформа, переселенческая политика, приживаемость новоселов, проблемы адаптации, транзитная миграция, трудовая иммиграция в США, трудовая иммиграция в Австралию, Гавайские острова.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: alex_antoshin@mail.ru (А.В. Антошин)